

ЕВГЕНИЙ АРТЮХОВ



НЕУЖТО СЛАВА ОТСИЯЛА?

МАТЬ

Порой мне кажется — она
рожала не меня,
а мир, в котором есть страна
из крови и огня.

Уж лучше б спрятаться в подол,
не видать и не знать
тот многоликий произвол,
что подарила мать.

ЭМИГРАНТ

Когда трещали, как орех, дворянские гербы,
орёл двуглавый по земле едва крыла влачил,
он думал: не великий грех укрыться от борьбы,
чтоб сохранить в чужом тепле достоинство и чин.

АРТЮХОВ Евгений Анатольевич родился в подмосковном городе Реутово. Окончил Саратовское высшее военное командное училище и Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. В "Нашем современнике" печатается с 1994 года. Автор нескольких стихотворных книг.

Он верил: года не пройдёт, уляжется волна, —
не оттого, что близорук, скорей — нетерпелив.
Но начинала в свой черёд гражданская война
из крови, слёз, из крестных мук чудовищный полив.

И вмиг на древе родовом остался он один —
один-единственный побег зелёно-золотой.
Есть у него и стол, и дом, и он гордится им,
но ищет прошлогодний снег и просится домой.

Где небеса без божества, где на земле содом,
где в душах буйно страх расцвёл, а память — тяжела.
Но только там его листва, проклянувшись с трудом,
почуять может древний ствол, пошедший на дрова.

И коль в земле не отыскать отеческих корней,
согреться можно, помолчать вблизи того костра,
где ест глаза при слове “мать” сильнее и больней
и жизнь, похожую на ад, иной зовёт — “сестра”.

СОЛДАТ ПОБЕДЫ

...И памятники сходят с пьедестала.
Е. Винокуров

...И вот спустился с пьедестала
герой гвардейского полка:
неужто слава отсыяла,
которой прочили века?

Громоздким стукоча металлом,
прошёлся вымершим селом
и никого не увидал он
ни за столом, ни под столом.

Чем в землю вглядывался строже,
землистей делалось чело,
окалина ползла по коже,
глаза посверкивали зло.

Чугунно грохотало сердце
в просторе брошенных полей:
затем ли гнал отсюда немца
он, крови не щадя своей?

Ну как могли заглохнуть дали,
перетерпевшие бои?
Неужто землю добивали
свои?
А где теперь свои?..

1997 ГОД

Картой испещрённой на стене,
бесконечной взлётной полосой
этот городок живёт во мне
где-то между миром и войною.

Слякотно, пустынно и темно.
Острые, недружеские взгляды.
Ни одно на улицу окно
не выходит. Стены да ограды.

На кровавый пир сорвиголов
поставлял он пушечное мясо —
безработных русских мужиков,
набранных поспешно из запаса.

Никогда забыть я не смогу
запах крови, воздух тёмно-сизый;
как танкист дымился на снегу
бросовую стреляную гильзой;

и сидел у времени в плену
возле развороченного дота
“дух”, подшитый к делу своему
матерною строчкой пулемёта.

* * *

Никого на улице Гурьянова
мне не встретить, кроме ветра пьяного —
гасит он свечные огоньки.
Потому что до сих пор не верится,
что с Москвой-столицей силой меряться
взяли и пришли боевики.

Дескать, фээсбэшники прохлопали,
и они негаданно притопали
убивать и рушить всё подряд.
Будто мы не знали и не видели,
что за вдохновенные воители
Грозный превращали в Сталинград.

Их сердца пустые и холодные
греют недра углеводородные,
остальные — не идёт в расчёт.
Это у тебя подъезд минирован,
а у этих — “мерседес” бронирован
и ОМОН хоромы стережёт.

Потому на улице Гурьянова
свечи жгутся заново и заново,
крест, как на погосте, занял пост.
Но зияет чёрная прогалина
и доносит бормотанье Каина
пьяный ветер.
Видимо, Норд-ост.